

М.М. ВАЛЕНЦОВА, Е.С. УЗЕНЁВА
(Институт славяноведения РАН, Москва)

**К ВОПРОСУ
О СПЕЦИФИКЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
СРЕДНЕЙ СЛОВАКИИ***

Abstract:

Valencova M.M., Uzeneva E.S. *Specificity of the Mythological Representations of the Middle Slovakia*

The linguistic specificity of the Middle Slovakia, due to the presence of South Slavic dialectic elements, sometimes interpreted as preservation of archaic features, despite of a considerable amount of research, has not yet received an unambiguous ethnolinguistic explanation. In continuation of this theme and from the perspective of the Carpathian and Balkan Slavic migrations, the article considers one ideographic group of vocabulary and related concepts of the Middle Slovakia — a group of mythological characters. Particular attention is paid to the identification of lexical, typological, folklore parallels between the chosen areal and other Slavic traditions, as well as parallels in the plot and motive inventory of the Slavic mythological concepts that belong to one of the most ancient and quite stable areas of the people's worldview and folk culture.

Ключевые слова: этнолингвистика, славянская демонология, Средняя Словакия, мифологический персонаж, мифологические параллели, архаика, диалектология народной культуры.

Территория Словакии в лингвистическом и этнографическом плане делится на три большие зоны: Восточно-, Средне- и Западнословацкую области. Вопрос об особом статусе среднесловацкого диалекта имеет уже большую историю изучения (работы Р. Крайчовича, Э. Паулини, С. Цамбела и др.), отмечались его южнославянские черты, как в грамматике и фонетике (рефлексы **ort/*olt*, судьба группы **tl/dl*, окончание глагольных форм 1 л. мн. ч. *—mo* и т.п.), так и в лексике. Своеобразный итог диалектологических разысканий подведен в Атласе словацкого языка. В IV, лексическом, томе Атласа на основе дифференциации лексики проводится трихотомическое (на западно-, средне- и восточнословацкую области и их объединение в различных комбинациях) и два типа дихотомического членения, в направлении северо-восток/юго-запад и северо-запад/юго-восток¹.

В основе трихотомического членения — противопоставление лексем в каждом из трех ареалов (напр.: *vička — mihalnice — obrvi* 'веки'),

* Авторская работа М.М. Валенцовой выполнена при поддержке РФФ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования» № 17-18-01373 (рук. акад. С.М. Толстая).

также отмечаются группы лексики, по-разному объединяющие эти ареалы: лексика, общая для западно- и восточнословацкого ареала (противопоставленная среднесловацкому): *tieň — tuoňa* ‘тень’; *babka — stará mať* ‘бабушка’; лексика, общая для средне- и западнословацкого (противопоставленная восточнословацкому): *pešnička — špivanka* ‘песня’; *šatka — chustečka* ‘платок’; лексика, общая для средне- и восточнословацкого (противопоставленная западнословацкому ареалу): з.-сл. *kočka — mačka* ‘кошка’; *sviňa — k(a)rmník* ‘свинья’.

Дихотомическое членение словацкого языкового ареала противопоставляет северо-восток и юго-запад (общие лексические черты у говоров северной части страны и восточнословацких диалектов и общие черты южных среднесловацких и западнословацких говоров). Этот тип членения характеризует старые, исконные слова, распространенные и в других славянских языках: *sosna — borovica* ‘сосна’; *žito — pšenica* ‘жито’; *jačmeň — jarec* ‘ячмень’; *raž — žito* ‘рожь’; *praslica — kúdel’* ‘прялка’; *studení — zimní* ‘холодный’.

Дихотомическое членение, разделяющее северо-запад и юго-восток обусловлено наличием общих единиц в среднесловацких говорах Оравы, Липтова, Турца, Текова, Гонта, части Зволена — и Западной Словакии, которые противопоставлены говорам Новограда, Гемера, части Зволена и всей Восточной Словакии: *izba — chiža* ‘изба’; *hladni — lačni* ‘голодный’; *vnútri — dnu* ‘внутри’; *mnoho — veľa* ‘много’. Это разделение считают более поздним, чем рассмотренное выше, хотя и здесь присутствует небольшая группа старых исконных слов, однако в современном языке оно характерно в основном для более новых слов и для заимствований.

Совершенно очевидно, что традиционная культура, особенно культура духовная, тесно и непосредственно связанная с языком как инструментом мышления и средством выражения культурных понятий разного уровня, также имеет диалектный характер, причем, как будет показано ниже, во многом соответствующий собственно языковым данным. Исследования в области традиционной духовной культуры Словакии второй половины XX в.² — дают возможность ареально стратифицировать лексику духовной культуры. Эта задача отчасти была реализована в Этнографическом атласе Словакии, включающем, наряду с фактами материальной и социальной, также и факты духовной культуры и фольклора, в том числе 4 карты по демонологии («Хранители дома и хозяйства»), «Сверхъестественные существа в суеверных рассказах», «Представления о демонологических персонажах в юго-восточной Словакии» и «Демонологические представления северо-восточной Словакии»³.

Мифологическая терминология, которой посвящена данная статья, являясь частью национального языка, также демонстрирует различия,

характерные для перечисленных видов диалектного членения территории Словакии. Примерами трихотомического членения могли бы стать термины с значением ‘водяной’: з.-слц. *hastrman* — ср.-слц. *vodní chlap / muž / človek* — в.-слц. *topec*; термины с значением ‘домашний дух-обогатитель’: з.-слц. *rarášek, škrátek* — ср.-слц. *škriatok, zmok, zbôžik* — в.-слц. *džmij, džmil* или названия персонажа, условно называемого ‘русалка’: з.-слц. *víla*, ср.-слц. *poludnica*, в.-слц. *rusalka*.

Общими для западно- и восточнословацкого ареалов являются мифонимы *bosorka* ‘ведьма’ — при ср.-слц. *striga* ‘то же’; названия «подменыша»: з.-слц. *odmenec, odmenenc, odmenča, odmena* и в.-слц. *odmenenec, odmena* — при ср.-слц. *premieň/premienča, premenča, premienča* (различие префиксов), а также общие для западных и восточных ареалов типы семантической мотивации данного термина от глаголов ‘подбрасывать’: з.-слц. *podhodok* и с.-в.-слц. *odvržtok* — в ср.-слц. не зафиксировано.

Для западно- и среднесловацкого ареалов общими будут лексемы, обозначающие «чернокнижника» как погодного демона: з.-слц. *černokňazník, černokrižník* — ср.-слц. *čiernokňazník, čarnokňazník* — в отличие от в.-слц. *planetnik, chmurnik, chmarnik* (известный на Замагурье *čornokšenzník* — предположительно заимствование из польского).

Средне- и восточнословацкий ареалы объединяет название «волколака»: ср.-слц. *vlkodlak, vlkolak, vrkolak* вместе с адъективами *vlkolácky, vlkolačí, vlkolačný* — и в.-слц. *vlkolak, vilkolak*.

Дихотомическое членение, вследствие которого объединяются северные среднесловацкие и восточнословацкие говоры иллюстрируют такие мифонимы, как: *topec* ‘водяной’ (Орава — и Верхний Спиш, Замагурье). А членение в направлении северо-запад — юго-восток подтверждается распределением названий персонажа ‘мора/мара’: корень **mar-* представлен в Восточной Словакии и южной среднесловацкой области (Гемер-Малогонт, Теков, Верхний Грон), а корень **mor-/ *mur-* — в Западной и северной части Средней Словакии (Орава, Липтов, Верхний Грон). Далее вариант *mora/múra* продолжается в Моравии и Чехии.

Словакия представляет собой непрерывный этнодиалектный континуум: часть изоглосс соединяется Среднюю Словакию с Западной и далее — с Моравией и Чехией, другая часть изоглосс, объединяя средне- и восточнословацкие диалекты, продолжается в украинских закарпатских и далее в других западно-украинских говорах. Ряд изоглосс соединяет словацкие говоры с южнославянскими.

Вместе с тем нам представляется перспективным представить, в первую очередь, обзор и общий анализ мифонимов среднесловацкого ареала. Этнолингвистический материал из Средней Словакии имеет особую практическую и теоретическую значимость для этногенетических

разысканий, поскольку благодаря специфике этих говоров, восходящей к VI–VII вв., предполагается либо существование древнего континуума прасловацких и праюжнославянских диалектов, прерванного аварским, затем мадьярским завоеваниями, либо миграции предков носителей среднесловацкого диалекта из южнославянской диалектной области в праславянский период с дальнейшим длительным периодом их развития в орбите западнославянских языков. Лингвистический ландшафт меняло также воздействие внелингвистических факторов (миграции, войны, включение территории в состав разных государств и т.п.).

Учитывая рамки статьи, основное внимание в ней будет сосредоточено на терминологии собственно мифологических персонажей (далее — МП), включая различия в семантике этих терминов. Паспортизация терминов по возможности упрощена и сокращена. Полевые материалы⁴ также не конкретизируются в целях экономии места, указывается только регион записи — поскольку, например, горальская культура Оравы (север Средней Словакии) существенно отличается от традиции региона Новоград (юг Средней Словакии), подвергшейся сильному венгерскому воздействию. В статье представлены и проанализированы демонимы, зафиксированные на всей территории Средней Словакии в ее современных диалектологических рамках.

Значительная часть демонимов, функционирующих в среднесловацкой мифологической системе, имеет общесловацкое распространение (в том числе, благодаря включению этих названий в литературный язык), хотя образы обозначаемых этими словами МП (например, *striga* ‘ведьма’, *vila* ‘вила’, *piadimužik*, *pidimužik* ‘карлик’, *svetlonos* ‘блуждающие огоньки’) имеют региональные этнографические особенности. Ареал распространения другой группы терминов также не ограничивается среднесловацкими областями, нередко продолжаясь в западно- или восточнословацких регионах (например, *čiernokňazník* ‘чернокнижник’, *vila* ‘вила’). Небольшое количество терминов зафиксировано, по нашим данным, только в Средней Словакии (такие, как *runa* ‘хозяйка подземных богатств’, *grgalica* ‘лесная женщина’).

Поскольку для нас важен был обзор демонических существ выбранного региона, материал расположен в алфавитном порядке, а все необходимые комментарии даны при соответствующих терминах.

Bahorka, f — женский МП, схожий с *полудницей* и *руной*: старая женщина с длинными распатланными волосами (Верхний Грон)⁵. Термин не имеет соответствий в других славянских традициях, его этимология остается неясной.

Beťah, m — 1. (ср.-слц.) черт, дьявол, обычно в ругательствах (Себехлебы, окр. Крупина; Прохот, Глиник над Гроном, окр. Нова Бая; На-

воёвце, окр. Топольчаны); 2. (ю.-з.-слц.) нервная болезнь, эпилепсия — обычно в устойчивых выражениях (Бошаца, окр. Тренчин; Лукачовце, окр. Глоговец; Грушове, окр. Нове Место над Вагом)⁶; 3. ‘злой дух, вызывающий болезни’ (Б. Быстрица, Слов. Правно)⁷.

Bieli had, m — «белая змея», домовая змея; живет в каждом доме, но показывается только тому, кто должен в течение года умереть; если змею убьют, то умрет и хозяин (Ладзаны, окр. Крупина), скот будет гибнуть (Лишов, окр. Крупина, ср.-словац.)⁸. Змею называли «хозяином» (*domáci gazda*), она жила под порогом дома, в хлеву, во дворе, на навозной куче; либо внешне ничем не отличалась от других змей, либо считали, что она рябая, пестрая или серая (седая), как старый человек (Гемер-Малогонт)⁹. Домовая змея жила под первым камнем, на месте которого закладывали дом. Оберегала дом от нечистых духов, несчастий. Убийство змеи означало бы смерть кого-либо из обитателей дома, пожар¹⁰. Серую домашнюю змею называли хозяином (*gazda*), она жила в амбаре (Поломка, окр. Брезно)¹¹. Аналогичные термины — словен. *bela kača* и с.-рус. *белая змея* обозначают не домашнюю змею, а «короля/царя змей», хранителя подземных кладов¹².

Bobo, n — персонаж, которым пугали маленьких детей (Шумь-яц, окр. Брезно)¹³. **Bobo, bobák** ‘страшилище, которым пугают детей’; (с.-слц., редко в.-слц. дет.) страшилище, пугало, привидение¹⁴. Онома-топеический корень.

Bohiňa, f — демоническое существо, которое похищает детей. Может превратиться в птицу (Липтовске Сльаче)¹⁵. **Bohyne**, или *dive ženy* (Липтов)¹⁶. В з.-слц. регионах *bohyňa* обозначает ведьму или знахарку¹⁷.

Bohiň, m — ребенок богинки (Забьедово, Орава)¹⁸. **Bohínča** — ребенок, похищенный богинками и оставшийся с ними (Зуберец, окр. Дольны Кубин)¹⁹. **Bohynča, bohiňča** (с.-орав.) — ребенок, которого украли и воспитали богинки (Зуберец, окр. Дольны Кубин)²⁰.

Bohynka, f, *bohinka* — антропоморфный лесной дух с атрибутами природного демона. Злое уродливое существо, высокого роста, женского пола, иногда поросшая шерстью, с большими грудями, которые она перебрасывает через плечи, с длинными всколоченными волосами до пят и с телесными уродствами (хромая, косоглазая); одета в лохмотья или нагая; живет в скалах и берлогах, на болотах и в кустарниках. Особенно опасна для рожениц. Крадет и подменяет здоровых детей своими уродливыми (*bohynča*), которые не росли, не говорили и были очень прожорливы (Орава, с.-в.-слц. области Спиш, Замагурье)²¹. На Ораве и в соседних областях северного Спиша богинки жили в горах, на болотах и реках с мужьями — *bohiňármí* и детьми *bohínčatami*. Вредили ночным путникам в лесу, роженицам²². *Bohinka, bohiňa* в Зуберце совмещает в себе признаки

ведьмы (отбирает молоко у коров) и лесного духа (живет в лесу, сводит с пути); богинки подменивали человеческих детей на своих уродливых *bohničat*, крали обувь и предметы быта. Некоторые информанты сообщали, что богинки обладают двумя душами²³. Персонаж представлен также в Малопольше, юж. Мазовии, в районах польско-украинского и польско-словацкого пограничья²⁴.

Bosorča, n — ребенок, которого по отлучении от материнской груди вновь стали кормить грудью; считалось, что он может сглазить (Детва, зволен.)²⁵. Имя, производное от *bosorka* ‘ведьма’, хотя в целом для Средней Словакии характерно название ведьмы *striga*. Подобные производные зафиксированы в моравском валашском диалекте и в украинском русинском.

Čarodejnica, f — ведьма, название, спорадически встречающееся в Средней Словакии²⁶. Термин характерен для Чехии и Моравии, а с другими афиксами — во всех славянских языках.

Čiernokňažnik, m, *černokňažnik*, *čarnokňažnik*, *černoknižnik*, *černokrižnik* — МП, который управляет природными стихиями и влияет на погоду. Появляется в виде черного монаха в длинном одеянии. В Липтове — маленький человечек в широкополой шляпе²⁷. **Č(i)ernokňažnik**, m — ср.-слц., частично з.-слц. ‘сказочный персонаж, ведьмак’²⁸. Вызывает змея-шаркана с помощью магических слов из «черной книги», быстро накидывает на него узду и правит в воздух, в жаркие страны, где люди кладут мясо шаркана по кусочку под язык, чтобы охладиться (Липтов)²⁹. Подобный сюжет известен также словенцам. Чернокнижник управляет тучами и бурей, а там, где он ударит своим бичом, бьет гром. Когда чернокнижник летит на змее (*šarkaň*) над деревней, а там звонят колокола, он должен сказать, что это собаки брешут, иначе бы змей уничтожил всё село. Во многих быличках чернокнижник предупреждает крестьян о надвигающейся буре (Гельпа, окр. Брезно), иногда просил у селян также полотно и знал, когда была спрядена каждая нитка (поскольку в четверг и в субботу вечером прясть запрещалось) (Поломка, окр. Брезно)³⁰.

Domáci had, m — домовая змея, обычно белая; считалось, что она должна быть в каждом доме, иначе дом не будет счастливым. Согласно быличке, она ела с детьми из одной миски, а когда хозяин убил ее, через неделю умерли и его дети (например, Детва)³¹. Этот мотив широко распространен во всех славянских традициях. На Верхнем Гроне называли змею «хозяином» (*hospodár*) (Поломка), верили, что убийство домовой змеи приводило к гибели скота (Погорела), плохому «воду» скота (Завадка). Если змея жила под очагом, то ее убийство приводило к смерти хозяина дома (Шумьяц)³².

Dve srdcia (mať), imp. — «иметь два сердца», так говорили о двоедушниках, которых считали ведьмаками (*strigôň*) (Погорела, окр. Брезно). Одно сердце у них оставалось живо и после смерти, поэтому они могли вредить односельчанам, или муж мог приходиться к своей вдове и даже иметь с нею детей (Гельпа, окр. Брезно)³³. Поверья о двоедушниках известны в польских и украинских Карпатах.

Dvojušnica, f — демоническое существо, которое давит по ночам или высасывает кровь у спящих; ведьма, мора (Велична, Ясенова, окр. Дольны Кубин³⁴; Ревишне, Орава³⁵). На словацкой территории термин известен только в Средней Словакии, вне Словакии — в украинском Закарпатье.

Grgalica, f — женский МП, встречается спорадически. В р-не Зволен — это огромная женщина с черными ногами, руками как лопаты, с растрепанными волосами и огромными грудями, перекинутыми через плечи. Пойманному человеку пихала в рот свои груди, пока не задушит. Ее присутствие обозначалось протяжным гиканьем. Жила в горах и люди слышали только ее голос. В р-не Банской Быстрицы не было вообще никакого образа. В Чехии подобный МП называется *hejkal*³⁶. **Grgolica**, **rgolina** — злая вила, завлекающая людей в болота (зволен.)³⁷. **Grgolica** — злая лесная вила, заманивающая людей в болота и изводящая их там, засовывая им в рот свои громадные груди³⁸. Имя можно сравнить с болг. *гъргоня* ‘сгорбивший человек’³⁹, укр. *гергель*, *гергуль* ‘неуклюжий человек с длинной шеей’⁴⁰, гуцул. *гаргон* ‘дьявол, властитель ада’⁴¹, бел. *гаргара*, m и f — экспрессивно о большом, нескладном человеке (ок. Любци)⁴².

Gušporka, f — ведьма, колдунья (окр. Наместово, кроме с. Закаменне)⁴³. **Gušparka** — ведьма (Остурня, Замагурье)⁴⁴. Ср. *gušlit*, imp. — гадать, предсказывать будущее (Бобров, Наместово)⁴⁵, а также *gušlic* ‘колдовать, наводить порчу’ (Оравска Лесна, окр. Наместово)⁴⁶. Возможно, из *kúzlit* ‘колдовать’. Ср. также пол. *gušlarzyć*, *gušlic*⁴⁷.

Hadiaci kameň, hadí kameň, m — «змеиный камень», который змеи «выдувают» (*kameň dujú*), соединившись головами вместе. Камень имел большую лечебную силу⁴⁸. «Змеиный камень» (*hadí kameň*) змеи «выдувают»: *dmuchajú kameň*⁴⁹. Камень этот, похожий на птичье яйцо, приносит счастье в суде, им гладят скот, чтобы он был гладкий и круглый, а также используют для лечения (Детва, зволен.)⁵⁰. В поверьях южных славян «змеиный камень», который некоторые змеи имеют на голове или в своих внутренностях, обладает магической силой, например, может оживить убитую змею⁵¹. По словенским поверьям, «змеиный камень» (также *žilštajn*) открывает подземные клады⁵².

Kráľ hadov, m — царь змей, с короной или гребешком на голове. Как правило, персонаж положительный, иногда помогал людям вылечиться⁵³. Персонаж известен практически во всех славянских традициях.

Lasica, f — ласка, мифологизированный персонаж, аналогичный домовому ужу, жабе, кроту. **Domáca lasica**⁵⁴. Жила в хлеву или рядом с ним. Охраняла скот; ее нельзя убивать, иначе скот погибнет (Швермово, Завадка, Гельпа, Поломка, Жакаровце окр. Брезно)⁵⁵. Какой масти ласка, такой масти надо покупать и скот (Ясеница, окр. Наместо)⁵⁶. Поверья о домовом ласке распространены по всей территории Словакии, наряду с домашней змеей⁵⁷.

Mara — МП, который душит, давит людей по ночам, но также вызывает из дома рожениц и заводит в лес. Для защиты от нее надо молиться или ругаться (Гемер–Малогонт)⁵⁸. Марой мог стать человек при рождении (седьмая дочь в семье; рожденный с двумя сердцами) или вследствие неправильного крещения, двойного отлучения от груди (Гельпа, окр. Брезно)⁵⁹. Также — **mora**. Ходит душить, проникает в дом через замочную скважину; оставляет перед дверью свои внутренности; если посыпать их сечкой, она должна будет их сначала вымыть, но может и умереть (села Верхнего Грона); в Завадке аналогичные функции приписываются ведьме (*striga*). В Гельпе верили, что морой становилась умершая до очищения (очистительной молитвы) роженица или ребенок, которого дважды прикладывали к груди⁶⁰, на Ораве — девушка, умершая до миропомазания⁶¹. *Mora* — душит, давит, сосет спящих. Некоторые считали ее особой категорией ведьм или ходячих покойников (Гемер–Малогонт)⁶². Термины зафиксированы в округах Зволен, Лученец, Липтовский Микулаш⁶³. Спорадически встречается вариант **zmora**⁶⁴ ‘ведьма (*striga*), которая ходила ночью давить (*pri'iskat*) спящих’ — тогда человек бормочет и стонет во сне; пробирается она в дом через замочную скважину, оставив внутренности снаружи (Погорела, окр. Брезно)⁶⁵.

Obri, pl. — великаны, которые, по легенде, жили до потопа в замке, окруженном огромными камнями. Там, где теперь источники, было огромное болото, в котором жил змей *šarkan*, постоянно воевавший с великанами и пускавший на них серный пламень. Раз во время боя вождь великанов вырвал скалу из каменных стен и бросил ее в шаркана; от попавшего камня шаркан потерял сознание, а великан засыпал его камнями. Когда змей пришел в себя, начал кататься, бросаться в разные стороны, но смог лишь выдуть отверстие над своим носом — теперь это кратер старого источника, из которого еще слышно хрипящее дыхание шаркана (Липтовске Сльаче)⁶⁶.

Permoník, m — гном, живущий в шахте, который мог предсказывать будущее (Липтов, Вышна Боца)⁶⁷. Гномы носили остовершие шапочки, голубые одежды, в руках — ведро и молоток; их можно было услышать (села Верхнего Грона)⁶⁸. Карлики, жившие в шахте (Жакаровце, окр. Гелница)⁶⁹. *Permoníci* — маленькие мальчики, похожие на ангелоч-

ков; если кто-то ругался, они сразу на него нападали. Указывали залежи золота (Липтовске Сльчае)⁷⁰. **Permónik** (*Bergmann*) — МП шахты (вост. Липтов)⁷¹. Персонаж известен в Моравии (*perkmaniček, permonik*) и Чехии (*permon, permoniček, permonik*). Средневековое заимствование из нем. *Bergmann*.

Poludnica, f — антропоморфный МП, появляющийся чаще в полдень. Охранял полдень и выгонял людей с поля. В Западной и Средней Словакии полудница выглядела как невеста или как простоволосая босая женщина, завернутая в длинное покрывало, или одетая в потрепанную юбку. По отношению к людям — злое, вредящее существо, опасное для рожениц, у которых крала детей. Происхождение — из душ умерших просватанных невест или из душ рожениц, умерших до очищения⁷². На Верхнем Гроне это душа умершей старой девы; если встретит мужчину на поле в полдень, затанцует до смерти (Гельпа); это умершая до свадьбы девушка; она хватала женщин и танцевала с ними, пока те не умрут; у нее большие груди, перекинутые через плечи (Погорела); она вылезает в полдень из реки Грон и забирает детей (Завадка)⁷³. В Завадке различают полудницу и вилу, но полудница приобретает характерные черты водной бабы (*vodná baba*), так же, как и на Спише (в.-слц.): она живет в воде и выходит на поля, заходит в дома, чтобы подменить детей⁷⁴.

В Гемерской столице, расположенной частью в Средней, частью в Восточной Словакии, *poludnica* (или *priepoludnica*), называлась также *vila* (Гочов и Нижняя Слана), но полудницу можно было встретить только в полдень, а вилу — когда угодно⁷⁵. Полудницей или вилой становилась невеста, умершая до свадьбы (Гемерска Полома). Эти МП любили танцевать, и в таких местах трава оказывалась вытоптанной кругом. Подобный мотив опасных для человека кругов на земле как следов ночного кругового танца (хоровода)вил широко известен болгарам, македонцам и повсеместно распространен в Сербии, спорадически встречается также в отдельных районах Черногории, Герцеговины, Боснии и Далмации⁷⁶. Полудницу, или вилу, часто слышали: она улюлюкала (*ujúkala*), а если над нею кто-нибудь смеялся или ей отвечал, она хватала его, уносила с собой, а потом крутила в танце до тех пор, пока он, изможденный, не умирал. Тот, кого утаскивала полудница, мог сохранить себе жизнь только в том случае, если ему удавалось сорвать синий цветок колокольчика (Гемер-Малогонт)⁷⁷. Аналогичные представления фиксируются еще восточнее, в долине р. Горнад, в Попрадском округе: девушка, которая между оглашениями сватовства отказалась от парня и вышла замуж за другого, ходила после смерти по полям как *poludnica*. Там же, в с. Гроновница рассказывали о *paluđe*, девушке, умершей между оглашениями свадьбы, которая в горных лесах манила к себе мужчин и губила их⁷⁸. Термин из-

вестен практически всем западнославянским традициям. Маргинально отмечен у словенцев⁷⁹.

Premien — подменьш (Гельпа, окр. Брезно)⁸⁰. **Premieň** — подмененный бабой или ведьмой (*stryga*) ребенок, который ест много, но сохнет, только живот у него растет, он не говорит, только плачет⁸¹. Персонаж известен и в других частях Словакии, и шире — в западно- и восточнославянских традициях.

Runa, f (*zemná pani*) — антропоморфный МП, дух земли. Руна известна на Дольном Спише, Верхнем Гроне, в Липтове и Гемере. Жила под землей. Это тип дикой женщины (*divej ženy*) с длинными грудями, закинутыми за спину, которая крала у мужчин еду, а у рожениц детей; иногда людям удавалось её поймать (Горный Спиш)⁸². Интересна быличка о том, как дровосеки, у которых Руна крала еду, оставили ей самогон. Она напилась и заснула. Ее убили, а потом долго-долго ходил по горам ее муж и звал: «Эфета, иди сюда, ребенок плачет!» (*Efëta, pod', di'ta place!*) (Погорела, окр. Брезно)⁸³. Руна — это старая женщина, у которой много детей. Когда она долго не возвращается домой, муж ищет ее, крича: «Руна, Руна, дети твои плачут!»⁸⁴

Sedlisko, n (досл. ‘насевшее’), 1. ночной кошмар, *mïra*, 2. ночной мотылек (Детва, зволен.)⁸⁵. **Sedlisko** (Зуберец, окр. Дольны Кубин) — ходячий покойник, вампир, садится на человека, душит его, сосет кровь; приходит в дом по ночам, мучает людей, оставляя на коже синяки; **sedielko** ‘неперсонифицированный дух, неуспокоившийся умерший, мора, упырь’ (Рабчице)⁸⁶.

Slnečnica, f — существо, которое в полдень ходит по полям и если найдет кого-нибудь спящим, уколёт в ухо или горло, которые от этого воспаляются (Гемер–Малогонт)⁸⁷. Олицетворение летнего солнца. О пострадавшем говорили: «Солнечница его обожгла» (*Slnečnica ho opálila*)⁸⁸.

Striga, f — полудемон-получеловек, обладающий сверхъестественными способностями, направленными на нанесение вреда окружающим⁸⁹, ‘ведьма’⁹⁰. **Striga** ‘женщина, которая умеет колдовать’ (ср.-слц. диалекты и часть в.-слц., в горальских говорах *strïga*); в качестве второго термина указывают и лексему *bosorka*⁹¹. На Ораве термин **striga** (Груштин) объясняют более распространенным термином *bosorka*⁹². **Striga** 1. (Банска Быстрица, Словенске Правно, Турец), *stryga* (в.-слц.) — ведьма; 2. (Банска Быстрица) мора; 3. (Гонт) ночной мотыль; син. *bosorka*⁹³. **Striga** (села Верхнего Грона⁹⁴, Ладзаны, окр. Зволен⁹⁵), *strïga* (Закаменне, окр. Наместово)⁹⁶. **Strygôni** a **strygy** — люди необычных способностей и духовной силы, особенно старые. Ездят на помеле, мялке или на человеке, обращенном в коня, на шабаши и балы на Токайскую или Будинскую гору. Сами могут превратиться в коня, козла или муху. После смерти

тело их не коченеет, остается мягким, что указывает на их способность к оборотничеству (*vlkoláctvo*)⁹⁷. Обращается в жабу или муху (Гельпа, окр. Брезно); когда ведьма умирала, бывали дождь, буря, гром; после смерти она ходила пугать (*mátat*); бывает урожденная или ученая (Погорела, окр. Брезно)⁹⁸. По некоторым функциям напоминают восточнославянского домового: например, ночью якобы катается на коне, отчего утром он весь в мыле, заплетает ему гриву (Бела, Турьец)⁹⁹. Урожденная ведьма рождалась с зубом или с *двумя сердцами*; приобрести ведьмарство можно было, подав руку умирающей ведьме или научившись колдовству от ведьмы. Стриги и стригони вредили людям сознательно. Отбирали у коров молоко, собирая росу на лугах на Троицу, на Божье Тело и др. дни (села Верхнего Грона)¹⁰⁰. Стрига отождествлялась с морой (*mora*, в с. Погорела *zmora*¹⁰¹). Особенно опасны ведьмы, у которых было два сердца, т.к. после смерти одно ставалось живым; их трупы полагалось сжечь (Верхний Грон)¹⁰². Лексема *striga* встречается также на юго-западе Словении¹⁰³ и у румын: *strigói* ‘вампир’¹⁰⁴.

Sudičky, pl. — судички, женщины-ведуньи (*vedmy*), они обходили рожениц и предсказывали будущее еще не крещенному ребенку. Предсказывали судьбу на основании обстоятельств его рождения (месяц рождения, погода в этот день, плакал ли ребенок и т.д.) (Бобров, Орава)¹⁰⁵. Ср. серб. *суђенице*, а с другими корнями — болг. *орисница*, макед., болг. *наречница*¹⁰⁶; ср. также укр. гуцул. *судци*¹⁰⁷.

Известные всем западным славянам «ночные огоньки», в среднесловацком ареале имеют следующие названия: **svetielka**, pl. — злые существа, которые заводили путников ночью в незнакомые места, сбивали с дороги (села Верхнего Грона)¹⁰⁸; **svetidlo**, n — блуждающий огонек, «откликающийся» на свист (Ломна, окр. Банска Штявница, Гонт)¹⁰⁹; **svetlá moc**, f — огоньки, сбивающие человека ночью с пути; запрещалось отзываться на их призывы (Швермово, ок. Брезно)¹¹⁰; **svetlá noc**, f — выглядит как маленькая лампа, носимая ветром, или считали их просушивающимися кладами (Завадка, окр. Брезно)¹¹¹, злым духом, показывающимся в виде огонька и сбивающим с пути (Завадка, окр. Брезно)¹¹²; **svetlonoc**, **svetla noc** (Зуберец, окр. Дольны Кубин)¹¹³; **svetlonos** — опасный демон, показывающийся в виде света, двигавшегося близко к земле; мог изображать детский плач, чтобы завести людей в болото и там убить (Кокава, окр. Лученец); в Муранской Здыхаве его действие ограничивали последними 4 неделями перед Рождеством, поэтому называли его *adventovo svetlo* (Гемер–Малогонт)¹¹⁴.

Sarkan, m — летающий змей, погодный демон. Считалось, что верхом на нем летает чернокнижник (Орава)¹¹⁵. Мотив полета на шаркане чернокнижника, который выдает звон колоколов за лай собак, известен не

только на Верхнем Гроне, но и в области Гемер–Малогонт¹¹⁶. МП известен в Закарпатье, отчасти в Малопольше и в некоторых южнославянских регионах: например, банатские болгары, живущие в Румынии, верят, что летающие змеи *шаркане* пьют из моря воду, которая поступает в тучи, и когда бьются друг с другом два змея, начинается ливень (Банат)¹¹⁷. Как персонаж *šarkanj* представлен в поверьях и нарративах в славонских селах Хорватии, в бачских селах Сербии¹¹⁸. В р-не Бача также чернокнижник ездит верхом на шаркане (с. Селенче)¹¹⁹ и т.п.

Представлен в Средней Словакии¹²⁰ и общеславянский демон **upír**¹²¹, m — покойник, который после смерти и похорон при определенных обстоятельствах оживал и возвращался, чтобы вредить и сосать кровь у людей и животных. Карпато-балканским мотивом можно считать способность упыря вызывать стихийные бедствия, засуху, неурожай, эпидемию и мор скота. А мотив рождения им после смерти потомства от своего живого партнера, которое, однако, рождалось без костей¹²², имеет параллель в болгарском образе вампира, представляемом как мешок с кровью, тоже без костей¹²³. Термин встретился на Ораве: *upír* (Бобров), в Турце (окр. Мартин), а также с другим именем — *sedlisko* — в связи с тем, что, по поверьям, вампир садится на человека, душит его и сосет кровь, сближаясь по функциям с *мóрой* (Зуберец, окр. Дольны Кубин)¹²⁴.

Колдуны, знахари и предсказатели названы именами с корнем **věd-* ‘знать, ведать’:

vedma, f — ведунья, которая могла предсказывать, потому что *знала*, предвидела, могла видеть нечто большее. Она собирала лекарственные травы, камни, кости; по волосам, ногтям человека могла предсказать ему будущее; могла навести порчу (*pobosorovat*), сглазить (*urieknut*) (Бобров, Орава). Термин известен в западнословацкой области: *vedma* ‘женщина, которая могла колдовать, гадать по просьбе обратившихся к ней, на заказ «навести» и «снять» порчу, найти потерянную вещь, узнать будущее; ее способности наследовались¹²⁵; ср. в чешском: *vědma*, *vědma* ‘колдунья’¹²⁶;

vedomci — колдуны, делают *bobonstva* (ср. полес. *забобоны*), умеют гадать (*čarit*) с решетом и глиняными шариками (Детва, зволен.)¹²⁷. Ср. словен. *vedomec*, *vedavec* ‘знахарь; ведьмак’¹²⁸;

veštec и **veštica** — колдуны и знахарки, могут навести и снять порчу, приворожить любимого, предсказать будущее и найти украденные вещи (Терхова, Орава¹²⁹; Липтовске Сльаче¹³⁰). Термин также известен в южнославянских языках: словен. *veščica* ‘пророчица’, *veščca* ‘ведьма’, с.-х. *veštiica* ‘старая женщина, которая тайком знает с дьяволом’, макед. *veštiica* ‘ведьма’, болг. *вещица* ‘ведьма, чародейка, злая, уродливая женщина’, ‘ночная бабочка, светляк’, ст.-слав. *veščica* ‘женщина, которая знала будущее и предсказывала его’¹³¹.

Vila — вила, МП, известный в Средней и Западной Словакии. В Восточной Словакии аналогичны вилам русалки¹³². Ср. у южных славян: словен., хорв. *vila*, серб. *вила*, болг. *самовила*, которых также называют балканской *русалкой*¹³³. Персонаж характерен для всей Западной (от Загорья, Белых Карпат до Мыявы — в Тренчанской, Нитрянской столицах, особенно в Поважье), большей части Средней (Орава, Липтов, Верхний Грон) и самого севера Восточной Словакии (Замагурье). На западе это лесная дева, дух природы или «заложная» покойница. По направлению на восток вила все больше становится «водным» персонажем (ср.-слц. *вилы* — хозяйки горных озер), актуализируется сема «заложная покойница», вила трансформируется в русалку¹³⁴.

Вилы — это души молодых девушек, умерших до свадьбы. Живут в лесах, в горах, около рек, где поют, смеются и танцуют. Мужчину, который им ответил или приблизился к ним, они затанцовывали до смерти¹³⁵. Могут делать добро, давать дары людям, помогать бедным, становиться крестной матерью ребенка, лечить травами и учить врачевать¹³⁶. По рассказам из Липтова, вила — это просватанная девушка, умершая до свадьбы; или роженица, умершая до очищения (Липтов)¹³⁷. Рассказывали о вилах, живущих в горных озерах Штрбского плеса (озера), о том, как сын вилы влюбился в красавицу пастушку и забрал ее к себе во дворец, за что влюбленная в него прекрасная русалка, хозяйка соседнего озера, обиделась и назначила сопернице судьбу, чтобы та привлекала к озеру смертных и топила их, вызывая проклятия людей. А сама русалка покинула свое горное озеро, которое высохло (Попрад, прешов. — Спиш)¹³⁸. Такие легенды имеют южнославянские параллели: ср., например, сербские сюжеты в песнях о виле Баздарджийке, которая замкнула воду в горном озере и не давала ее пить людям и зверям, пока Марко Кралевич не победил ее¹³⁹. Много записей о вилах и их проказах, особенно опасных для рожениц, о том, что нельзя отвечать на их пение, хохот и призывы, насмеяться над ними, — из Бошацкой долины (з.-слц.)¹⁴⁰. Чтобы защититься от вил, надо вывернуть все части одежды и других вещей наизнанку¹⁴¹.

Идентифицирующие признаки словацкой вилы — внешний вид (молодая девушка), круговые танцы, пение, преследование парней и молодых мужчин — соотносятся с южнославянскими вилами и самовилами. В Средней Словакии вила все чаще отождествляется с полудницей, русалкой, водяницей, дикой женкой и др. женскими природными персонажами. Хотя в Липтове, например, *vily*, *lesné vily* все еще лесные девы, красивые и соблазнительные, которые танцевали, пели, могли заманить и «затанцевать» молодых мужчин до смерти. В целом они воспринимались как добрые существа, например, могли наделить человека каким-нибудь талантом (*vila dála do vienka*).

По нашим полевым данным, на Верхнем Гроне образ *вилы* смешивается с полудницей (*poludnica*), в области Турец (с. Бела) вил называют ведьмами (*strigy*) и рассказывают, что они собираются на мосту для танцев, но только в ночь на св. Люцию 13.XII (видимо, на смену термина повлияло зимнее время года, когда появление вил и русалок не характерно, зато очень популярны сюжеты о разгуле ведьм). Само слово *вила* известно уже только по сказкам.

Vlkolak — человек-волк, оборотень. На Верхнем Гроне бытовала быличка, широко известная у славян (а также у германцев) о «муже-волколаке», в зубах которого застряла нитка из юбки жены; только здесь ипостась волколака — серый пес¹⁴². Превращение в собаку известно в с.-в. Сербии, с.-з. Болгарии и в Закарпатье. Отличительной чертой оравского волколака является тяга к оборотничеству в полнолуние: тогда волколаки воют в полях, а если им встречался человек или животное, то они убивали его, но никогда не ели мяса, что отличало их от волка (Бобров, Орава)¹⁴³. Также известны былички о превращении людей в волков ведьмой (Габовка, Орава)¹⁴⁴.

В южных регионах Средней Словакии представлен вариант **vrkolak**. Он мог распознавать ведьм, калеча животных, в которых они превращались. Например, в Муранской Здыхаве крестьянин подстрелил волка, а вернувшись в деревню, узнал, что мужчина, и раньше подозреваемый в том, что он волколак, лежит дома раненый (Гемер–Малогонт)¹⁴⁵. Огласовка имени волколака с –г- представлена в серб. *vrkolak* (существо, проглатывающее Солнце и вызывающее солнечные затмения — Тимочка Краина), в тур. *virkolak*, греч. *вурколакас* (наряду с *вруколакас*, *вуркулакас*, *вриколакас*), румын. *вырколак*¹⁴⁶, болг. *върколак*, *враколак*, *врколак*¹⁴⁷, а также в ю.-рус.: *варкулáка* ‘вурдалак; собака-оборотень’ (дон.)¹⁴⁸.

Vodná baba, *vodná žena* — «водная баба/женщина», злой МП, топящий людей или подменивающий новорожденных детей. Среднесловацкие «водные жены» жили в болотах, затягивали в них прохожих, южнословацкие — в водоворотах и омутах, топили рыбаков и купающихся. Распространение терминов *vodná baba*, *vodná žena* картографировано в «Этнографическом атласе Словакии»¹⁴⁹. На Верхнем Гроне это женщина с большими руками, глазами и ртом; ночью она стирала белье под мостом; неосторожным матерям подменивала детей¹⁵⁰. Такие дети (*prečarované dieťa*, *premienča*) не говорили, были глупыми; однако если ударить такого ребенка тыльной стороной руки, водная баба заберет его обратно (Шумьяц, окр. Брезно)¹⁵¹. Аналогичные рассказы в Шумьяце связывают и с полудницей¹⁵².

Vodní chlap, **vodní člověk**, **vodní muž**¹⁵³ — названия водяных, которые живут в Татранских озерах (плёсах), эти существа все обросшие

мхом, крадут друг у друга жен¹⁵⁴. В Липтове **vodník** — душа утопленника, которая превращаясь в зайца, заманивала людей в реку Грон и топила¹⁵⁵. На Ораве водяной называется **topelec**. Аналогию словацким названиям представляют серб. *водени човек* ‘антропоморфный дух, оживший утопленник, который заманивает людей в реку и топит’¹⁵⁶, чеш. *vodní muž(ík)* ‘водяной’¹⁵⁷.

Известный практически по всей территории Словакии дух-обогатитель, появляющийся в виде мокрого черного цыпленка, в средне-словацких говорах имеет названия: **zmaк**, m (Ямник, окр. Липтовский Микулаш)¹⁵⁸, **zmek** (орав., липт.)¹⁵⁹, **zmok** (Орава; Верхний Грон)¹⁶⁰. Этот дух приносил все, что ни пожелаешь, особенно зерно и деньги. Его можно было вывести из последнего яйца черной курицы, нося его подмышкой; или найти змока на болотах, в мокрых местах. Избавиться от него было практически невозможно (Погорела, окр. Брезно)¹⁶¹. Змок приходил к тем, кто был богатый и счастливый (Завадка, окр. Брезно)¹⁶². По другой версии, змок приносил несчастье, неурожай, бедность, а яйцо, из которого он выводился, подкидывали в дом ведьмы (Бобров, Орава)¹⁶³. Мог принимать черты змея-любовника (Ладзаны, окр. Зволен)¹⁶⁴. Аналогичные термины представлены в чешских и моравских диалектах: чеш., ст.-чеш. *zmaк* ‘дракон’, морав. *zmaк* ‘дух в образе мокрой курицы, приносящей деньги хозяину’, ‘дух влаги, который приносил благословение в виде урожайного дождя’, ‘огненный дракон, приносящий деньги’, ‘дьявол’. Чеш. *zmek* ‘чертик’, ст.-чеш. ‘дьявол; дух в образе черной курицы, приносящей хозяину деньги’, ‘черт’, морав. *zmek* ‘дух в образе мокрой черной курицы, приносящей хозяину деньги’, ‘дракон’¹⁶⁵.

Количество информации о каждом из названных персонажей можно было бы умножить, как и, наверное, расширить сам список средне-словацких МП. Однако даже на этом этапе можно увидеть, что демонология выбранного региона, с одной стороны, имеет определенную специфику, в первую очередь, за счет южнославянских параллелей и совпадения некоторых редких мотивов, а с другой, — объединяется различными конфигурациями с другими регионами Словакии, причем изоглоссы и изодоксы мифологических явлений продолжают в западнославянской (польской, серболужицкой), восточнославянской (карпатоукраинской, полесской) и южнославянской (особенно словенской, хорватской) традициях. Представленные материалы дают нам основание предположить вероятность сохранения в центральной горной части Словакии реликтов праславянских культурных диалектов времен первой Карпатской миграции славян, принесенных затем славянами на Балканы и поддержанных позже «второй» карпатской миграцией славян в XIV в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Atlas slovenského jazyka. [D.] IV. Lexika. Časť druhá. Úvod — komenráre — dotazník — indexy / Hl. autor a vedúci pracovnej skupiny J. Štolc. Bratislava, 1984.

² Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. [Bratislava], 1995. T. 1, 2; Pramene k tradičnej duchovnej kultúre Slovenska. (Obrady, zvyky, a povery — 1939) / Zostavili V. Felgová a M. Leščák. [Zv. I]. Bratislava, 1995; Slovenské svadby. Z dotazníkovej akcie Matice Slovenskej 1942 / Zostavil M. Leščák. [Pramene k tradičnej duchovnej kultúre Slovenska. Zv. II]. Bratislava, 1996; Zabudnuté priadky. K tradičnému spoločenskému životu mládeže na Slovensku / Zostavil a odborné komentáre napísal D. Luther. [Pramene k tradičnej duchovnej kultúre Slovenska. Zv. V]. Bratislava, 1999; Pramene k obyčajovej tradícii a sviatkovaniu na Slovensku na konci 20. storočia (1) / M. Leščák. [Pramene k tradičnej duchovnej kultúre Slovenska. Zv. VI]. Bratislava, 2005; Pramene k obyčajovej tradícii a sviatkovaniu na Slovensku na konci 20. storočia (2) / M. Leščák. [Pramene k tradičnej duchovnej kultúre Slovenska. Zv. VII]. Bratislava, 2006; *Horváthová E.* Rok vo zvykoch nášho ľudu. [Bratislava], 1986.

³ Etnografický atlas Slovenska. Mapové znázornenie vývinu vybraných javov ľudovej kultúry. Bratislava, 1990. Mapy № 8–11. S. 83–84 (Vsego в Атласе 535 карт).

⁴ В статье использованы полевые материалы последних лет, записанные авторами в разных регионах Средней Словакии: в регионе Турьец в 2007 г. (обл. г. Мартина: села Блатница, Бела, Дубове и Быстричка — Е.С. Узенева); на Ораве в 2008 г. (с. Зуберец, окр. Дольны Кубин — Е.С. Узенева) и в 2009 г. (Наместово, Бобров — М.М. Валенцова); в области Верхнего Грона в 2009 г. (с. Гельпа, Шумьяц — Е.С. Узенева, М.М. Валенцова); в области Липтов в 2012 г. (Липтовска Лужна, Липтовске Ревуце, Липтовске Сльяче — М.М. Валенцова) и в 2013 г. (г. Ружомберок — рассказы из Липтовской Осады, Липтовского Михала, Ивахновой — М.М. Валенцова).

⁵ *Horváthová E.* Duchovná kultúra // Horehronie. Kultúra a spôsob života ľudu. Diel II. Bratislava, 1974. S. 336; Etnografický atlas Slovenska... S. 84, карта 9.

⁶ Slovník slovenských nářečí. Red. I. Ripka. Bratislava. D. 1. 1994. S. 112.

⁷ Slovenský slovník z literatúry aj nářečí. Slovensko-český diferenciálny. Na základe slovníkov, literatúry aj živej reči spracovali Kar. Kálal a Mir. Kálal. V Banskej Bystrici, 1923.

⁸ Archív textov Ústavu etnológie SAV, Bratislava, inv. č. 803, inv. č. 799/A.

⁹ Gemer—Malohont. Národopisná monografia. Ján Michálek a kol. [Martin, 2011]. S. 370.

¹⁰ Полевые материалы авторов.

¹¹ Archív textov... inv. č. 763.

¹² *Kropej M.* Od Ajda do Zlatoroga. Slovenska bajeslovna bitja. Celovec; Ljubljana, 2008. S. 167; *Власова М.* Новая абевега русских суеверий. Иллюстрированный словарь. СПб., 1995. С. 53.

¹³ Archív textov... inv. č. 168.

¹⁴ Slovník slovenských nářečí. Red. I. Ripka. Bratislava, 1994. D. 1. S. 135; Slovenský slovník z literatúry aj nářečí... S. 30.

¹⁵ Čo rozprával sváko Vajda. Výber z rozprávok Jána Vajdu Tichého z Liptovských Sliačov. Rozprávanie zoznamenal a publikáciu zostavil K. Ondrejka (Pramene k tradičnej duchovnej kultúre Slovenska. Zv. VII). Bratislava, 2000. S. 118.

¹⁶ *Ondrejka K.* Rozprávnia spod Slatína. [Bratislava, 1972]. S. 66.

¹⁷ Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska... D. 1. S. 44.

- ¹⁸ *Habovštiak A.* Oravci o svojej minulosti. Reč a slovesnosť oravského ľudu. Martin, 2006. S. 273.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Slovník slovenských nářečí... D. 1. S. 140.
- ²¹ Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska... D. 1. S. 44; Etnografický atlas Slovenska... S. 84, карта 9.
- ²² Slovensko... S. 1029; *Habovštiak A.* Oravci o svojej minulosti... S. 273.
- ²³ Полевые материалы авторов.
- ²⁴ *Санникова О.В., Усачева В.В.* Богинка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 215.
- ²⁵ *Medvecký K.A.* Detva. Detva, 1905. S. 203.
- ²⁶ Atlas slovenského jazyka... S. 233.
- ²⁷ Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska... D. 1. S. 72.
- ²⁸ Slovník slovenských nářečí... D. 1. S. 250.
- ²⁹ Krásy Slovenska, r. VII, 1928. S. 169.
- ³⁰ *Horváthová E.* Duchovná kultúra... S. 334.
- ³¹ *Medvecký K.A.* Detva... S. 205.
- ³² Archív textov... inv. č. 763.
- ³³ Archív textov... inv. č. 763.
- ³⁴ Slovník slovenských nářečí... D. 1. S. 418.
- ³⁵ *Habovštiak A.* Oravci o svojej minulosti... S. 274–275.
- ³⁶ Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska... D. 1. S. 155.
- ³⁷ Slovenský slovník z literatúry aj nářečí...
- ³⁸ *Mičátek L.A.* Differenciálny Slovensko-Ruský slovník s troma prílohami a skrátená mluvnica slovenského jazyka s krátkym úvodom. Turč. Sv. Martin, 1900. S. 47.
- ³⁹ Български етимологичен речник / Ред. М. Рачева, Т. Ат. Тодоров. Т. 1. София, 2002. С. 302.
- ⁴⁰ Етимологічний словник української мови. Т. 2. Київ, 2006. С. 145.
- ⁴¹ *Хобзей Н.* Гуцульська міфологія: Етнолінгвістичний словник. Львів, 2002. С. 88–89.
- ⁴² *Усціновіч А.К.* Асаблівая лексіка гаворкі аколці Любчы // З народнага слоўніка. Мінск, 1975. С. 57.
- ⁴³ *Grigel M.* Goralské nářečie. Slovník. Namestovo, 2004. S. 404.
- ⁴⁴ *Blagoeva-Neumanová T.* Ľudová démonológia na Zamagurí v kontexte a koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných slovanov. Rigorózna práca. Bratislava, 1976. S. 137.
- ⁴⁵ Slovník slovenských nářečí... D. 1. S. 525.
- ⁴⁶ *Grigel M.* Goralské nářečie... S. 404.
- ⁴⁷ *Санникова О.В.* Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении. Дисс. ... канд. филол. наук. Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1990. С. 251.
- ⁴⁸ *Dobšinský P.* Prostonárodné obyčaje, povery a hry slovenské. Martin, 1880. S. 114.
- ⁴⁹ Полевые материалы авторов.
- ⁵⁰ *Medvecký K.A.* Detva... S. 204.
- ⁵¹ *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 49.
- ⁵² *Kropej M.* Od Ajda do Zlatoroga... S. 167.
- ⁵³ Полевые материалы авторов.

- 54 Etnografický atlas Slovenska... S. 84, карта 9.
 55 Archív textov... inv. č. 763.
 56 Archív textov... inv. č. 206.
 57 Etnografický atlas Slovenska... S. 83, карта 8.
 58 Gemer—Malohont. Národopisná monografia. Ján Michálek a kol. [Martin, 2011]. S. 371.
 59 *Podolák Ján a kol.* Heľpa. Vlastivedná monografia oblasti. Martin, 1999. S. 190.
 60 Archív textov... inv. č. 763
 61 Полевые материалы авторов.
 62 Gemer—Malohont... S. 371.
 63 Slovník slovenských nářečí... D. 2. S. 188.
 64 Etnografický atlas Slovenska... S. 84, карта 9.
 65 Archív textov... inv. č. 763.
 66 Zpravy Liptovského Muzea, 1933, № 4. S. 121.
 67 Sborník Matice slovenskej pre jazykozpyt, národopis, dejepis a literárnu históriu. Turčiansky sv. Martin, Roč. VII, 1929, № 1–2. S. 27.
 68 *Horváthová E.* Duchovná kultúra... S. 334.
 69 Slovník slovenských nářečí... D. 2. S. 777.
 70 Čo rozprával sváko Vajda... S. 114–115.
 71 SbMS, r. VII, 1929/1–2: 27.
 72 Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska... D. 2. S. 61–62; Archív textov... inv. č. 763.
 73 Archív textov... inv. č. 763.
 74 *Horváthová E.* Duchovná kultúra... S. 336.
 75 Gemer—Malohont... S. 371.
 76 *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 243–249.
 77 Gemer—Malohont... S. 371.
 78 *Michálek J. a kol.* Ľud hornádskej doliny (na území Popradského okresu). Košice, 1989. S. 283.
 79 *Kropej M.* Od Ajda do Zlatoroga... S. 327.
 80 Archív textov... inv. č. 763
 81 *Dobšínský P.* Prostonárodné obyčaje... S. 115–116.
 82 *Horváthová E.* Zo zvykoslovných a poverových reálií na hornom Spiši // SN. R. 20. 1972. № 3. S. 500.
 83 Archív textov... inv. č. 763
 84 *Horváthová E.* Duchovná kultúra... S. 336.
 85 *Vážný V.* O jménech motýľů v slovenských nářečích. Bratislava, 1955. S. 70.
 86 Полевые материалы авторов.
 87 Gemer—Malohont... S. 373.
 88 *Dobšínský P.* Prostonárodné obyčaje... S. 116; Etnografický atlas Slovenska... S. 84, карта 9.
 89 Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska... D. 2. S. 202.
 90 Etnografický atlas Slovenska... S. 84, карты 9, 11.
 91 Atlas slovenského jazyka... S. 232–233.
 92 Полевые материалы авторов.
 93 Slovenský slovník z literatúry aj nářečí...
 94 Archív textov... inv. č. 763.

- ⁹⁵ Archív textov... inv. č. 803.
- ⁹⁶ *Grigel' M.* Goralské nárečie... S. 405.
- ⁹⁷ *Dobšinský P.* Prostonárodné obyčaje... S.116.
- ⁹⁸ Archív textov... inv. č. 763.
- ⁹⁹ Полевые материалы авторов.
- ¹⁰⁰ *Horváthová E.* Duchovná kultúra... S. 328.
- ¹⁰¹ Archív textov... inv. č. 763.
- ¹⁰² *Horváthová E.* Duchovná kultúra... S. 330.
- ¹⁰³ *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география... С. 646. Карта № II-3-3.
- ¹⁰⁴ *Голант Н.Г., Плотникова А.А.* Этнолингвистические материалы из Мунтеинии (округ Бузэу, села коммун Мерей, Мынзлешть, Пьетроаселе, Скорцоаса) // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. 2009–2011. Вып. 2. М., 2011. С. 414.
- ¹⁰⁵ Полевые материалы авторов.
- ¹⁰⁶ Подробнее о балканских сюжетах, посвященных демонам судьбы см.: *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география... Карта № II-3-16.
- ¹⁰⁷ Подробнее см.: *Узенева Е.С.* Этнолингвистические материалы с юго-западной Украины (с. Устерики, Верховинский район, Ивано-Франковская область) // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. Памяти Г.П. Клепиковой. М., 2008. С. 325.
- ¹⁰⁸ *Horváthová E.* Duchovná kultúra... S. 332.
- ¹⁰⁹ Archív textov... inv. č. 799/A.
- ¹¹⁰ Archív textov... inv. č. 763.
- ¹¹¹ Archív textov... inv. č. 763.
- ¹¹² *Horváthová E.* Duchovná kultúra... S. 332.
- ¹¹³ Полевые материалы авторов.
- ¹¹⁴ *Gemer–Malohont...* S. 372.
- ¹¹⁵ *Habovštiak A.* Oravci o svojej minulosti... S. 268.
- ¹¹⁶ *Gemer–Malohont...* S. 366.
- ¹¹⁷ *Гура А.В.* Символика животных... С. 289.
- ¹¹⁸ *Плотникова А.А.* Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: этнолингвистические очерки. Москва, 2013. С. 53 и далее.
- ¹¹⁹ Там же. С. 54.
- ¹²⁰ См. карту 9 в *Etnografický atlas Slovenska...* S. 84.
- ¹²¹ Подробнее о названиях упыря в славянских языках и этимологии слова см.: *Валенцова М.М.* Этнолингвистический комментарий к этимологии слова *упырь* // Труды Института русского языка. IV. Этимология. Отв. ред. Ж.Ж. Варбот. М., 2015. С. 101–125.
- ¹²² *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska...* D. 2. S. 277–278.
- ¹²³ *Българска митология.* Энциклопедичен речник. Съставител А. Стойнев. София, 1994. С. 45.
- ¹²⁴ Полевые материалы авторов.
- ¹²⁵ *Bužeková T.* Nepriateľ zvnútra. Bratislava, 2009. S. 33–34.
- ¹²⁶ *Зайцева Н.И.* Мифологическая лексика в чешском и словацком языках. Диссертация кандидата филологических наук. Минск, 1975. С. 271.
- ¹²⁷ *Medvecký K.A.* Detva... S. 203.
- ¹²⁸ *Kropej M.* Od Ajda do Zlatoroga... S. 315–316.

- 129 Časopis muzeálnej slovenskej spoločnosti. Turčianský Sv. Martin. R. X, 1907, № 1. S. 10.
- 130 Čo rozprávaj sváko Vajda... S. 113.
- 131 ЭСБМ 2: 117–118.
- 132 Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska... D. 2. S. 302–303.
- 133 Плотникова А.А. Этнолингвистическая география... С. 614. Карта № II-3-1а.
- 134 Подробнее о сопоставлении словацкого и южнославянского образов вилы см. Валенцова М.М. Словацко-южнославянские соответствия: вила // Славяноведение, 2003, № 2. С. 79–86.
- 135 Slovensko... S. 1028.
- 136 Ondrejka K. Rozprávnia spod Slatína... S. 104; SN 1968/1: 117–118; Полевые материалы авторов.
- 137 Ondrejka K. Rozprávnia spod Slatína... 169–171; Полевые материалы авторов.
- 138 ZLM 1932/3:24.
- 139 Матюхина О. Вили — давньослов'янські божества // Проблеми слов'язнознавства. 2000, вип. 51. С. 53.
- 140 Slovenské pohľady. 1892. № 1. S. 210, 211.
- 141 Priečko M. a kol. Nesluša 1367–2007. Vlastivedná monografia obce. 2007. S. 257; Slovenské pohľady, 1892. № 1. S. 211.
- 142 Horváthová E. Duchovná kultúra... S. 331.
- 143 Полевые материалы авторов.
- 144 Habovštiak A. Oravci o svojej minulosti... S. 276.
- 145 Gemer–Malohont... S. 373.
- 146 Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд, 1970. С. 91.
- 147 Дукова У. Наименования демонов в болгарском языке. М., 2015: 91.
- 148 Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Вып. 4. Л., 1969. С. 54–55.
- 149 Etnografický atlas Slovenska... S. 84, карта 9.
- 150 Slovensko... S. 1029; Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska... D. 2. S. 311.
- 151 Archív textov... inv. č. 763
- 152 Archív textov... inv. č. 168
- 153 Slovensko... S. 1029; Etnografický atlas Slovenska... S. 84, карта 9.
- 154 Dobšinský P. Prostonárodné obyčaje... S. 117.
- 155 Zprávy Liptovského múzea. Zodp. Red. I. Houdek. Ružomberok, 1932. № 2. S. 60.
- 156 Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник... С. 86.
- 157 Зайцева Н.И. Мифологическая лексика... С. 274.
- 158 Zprávy Liptovského múzea. Zodp. Red. I. Houdek. Ružomberok, 1932. № 3. S. 27.
- 159 Зайцева Н.И. Мифологическая лексика... С. 278.
- 160 Полевые материалы авторов; Ondrejka K. Rozprávnia spod Slatína... S. 148–149; Archív textov... inv. č. 763.
- 161 Archív textov... č. 763.
- 162 Archív textov... č. 763.
- 163 Полевые материалы авторов.
- 164 Archív textov... č. 803.
- 165 Зайцева Н.И. Мифологическая лексика... С. 278.